

Имя Бодуэна де Куртенэ — главным образом как основоположника фонологии — благодаря Р. О. Якобсону и Н. С. Трубецкому широко известно и за пределами славяноязычного мира. Однако с Бодуэном как автором трудов в других областях языковедения западные лингвисты мало знакомы и ныне. Поэтому следует всячески приветствовать появление книги И. Мугдана, представляющей большую ценность с трех точек зрения. Во-первых, она знакомит западного читателя с трудами Бодуэна, написанными не только на западноевропейских языках, но и на русском и польском. Во-вторых, она благодаря этому достаточно полно отражает многостороннее научное творчество Бодуэна. В-третьих, она содержит немало нового материала и интересных мыслей, касающихся места и значения Бодуэна в истории языковедения.

Книга, о которой идет речь и которой посвящена настоящая рецензия, принадлежит перу ученого из ФРГ. Интересно отметить, что это вторая книга о Бодуэне, изданная в странах немецкого языка. Автор первой, также в высокой степени интересной книги, выдержавшей уже два издания, Франк Хойслер (из ГДР), ограничился анализом развития фонологических идей Бодуэна [1]. Книга же И. Мугдана, как видно из сказанного выше, отличается более широкой тематикой. Уместно указать, что тот же автор одновременно с рецензируемым трудом выпустил антологию бодуэновских работ, написанных им на немецком языке. Этой антологии предпослано предисловие составителя и воспоминания о Бодуэне его дочери Эвелины Малаховской [2].

Монография И. Мугдана состоит из трех глав. Первая представляет собой очерк биографии Бодуэна (около 40 страниц), вторая содержит описание его лингвистического наследия (около 100 страниц), третья посвящена вопросу о месте Бодуэна в истории языковедения (около 50 страниц). В приложении помещены списки трудов Бодуэна и работ о нем, указатель имен и предметный указатель.

Биография, как указывает автор (с. 9), написана на основании опубликованных материалов: автобиографий, биографических очерков разных авторов, писем, воспоминаний и т. п. Однако автору удалось сделать это так, что и советский читатель, знакомый с работами о Бодуэне Л. В. Щербы, А. А. Леонтьева, Т. С. Шарадендидзе и др., будет с интересом и волнением читать страницы, повествующие о трудной жизни, прожитой Бодуэном, о сложности и благородстве его характера. В относительно немногих строках И. Мугдан смог рассказать, как в Бодуэне уживались или, точнее сказать, боролись две страсти: активная позиция в общественно-политической жизни и стремление по-новому, по-своему

понять и осветить разные стороны языковой действительности. Он создавал, что его публицистическая деятельность, отнимая у него время и душевные силы, мешает его научным изысканиям, но он не мог безучастно созерцать несправедливости окружающего его общества, не мог не выступать в защиту угнетенных.

В конце биографии И. Мугдан приводит последнее письмо Бодуэна к А. Черны [3], написанное им за 35 дней до кончины. В этом письме он с горечью пишет о том, что собирался принять участие в славистическом конгрессе в Праге, но вынужден отказаться от этой мысли из-за старческой немощи. «Это медленная агония, — пишет он. — Жизнь для меня мучение. Я мечтаю о небытии» (с. 44).

Вторая глава содержит систематизированное по параграфам изложение взглядов Бодуэна, рассеянных в его многочисленных трудах, как широко известных, так и малоизвестных. Параграфы этой главы имеют следующие заголовки: 1. Общие вопросы. 2. Фонетика (фонология). 3. Письменный язык. 4. Морфология и синтаксис. 5. Лексикология и этимология. 6. Классификация языков и диалектология. 7. Происхождение и развитие языка. 8. Регулирование языка и языкотворчество. 9. Детский язык и патология речи. 10. Социolingвистические вопросы. 11. Пропедевтика и история языковедения. 12. Славистика.

Важнейшие теоретические положения изложены и подтверждены цитатами из работ Бодуэна по необходимости кратко, но достаточно ясно, чтобы современный читатель мог проникнуть в сокровищницу бодуэновских идей. И. Мугдану удалось это сделать, потому что он, в отличие от многих других западных авторов, владеет всем научным наследием Бодуэна, которое он изучал в подлинниках, а не в переводах. Это обстоятельство нельзя недооценивать, так как переводы в иных случаях (И. Мугдан приводит примеры этого) становятся источниками неточных трактовок мыслей автора.

Среди общих вопросов важнейшим является, конечно, понимание сущности языка, для выяснения которого И. Мугдан правильно обращается к критике Бодуэном шлейхеровской теории. Для Бодуэна язык не саморазвивающийся организм, не зависящий от сознания его носителя: язык, по его словам, живет вне людей, он живет только в его носителях (с. 51). Отсюда вытекает не только психологизм (кстати сказать, отнюдь не свидетельствующий о методологической порочности), но и признание социальной природы языка. «Так как язык, — писал Бодуэн, — возможен только в человеческом обществе, то мы должны признать в нем наряду с психической стороной социальную сторону» (с. 51).

К параграфу о фонетике имеется любопытная сноска; в ней автор ссылается